

ПАМЯТИ 83.0
ПРОФЕССОРА П15
В.П. СКОБЕЛЕВА

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ И ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX-XX ВЕКОВ

CA 287825

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Кафедра русской и зарубежной литературы

**ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА
В.П. СКОБЕЛЕВА:
ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ И ИСТОРИИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX-XX ВЕКОВ**

Международный сборник научных статей

В дар библиотеке
им. Н. К. Крупской
из архива
автора
сборника
Мам
декабрь 2005

Издательство «Самарский университет»
2005

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«ОБЛАСТНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. Н. К. КРУПСКОЙ»

Катастрофичность человеческого бытия в романе В.Астафьева «Прокляты и убиты»

Последняя «затесь» Виктора Петровича Астафьева, «самобытного русского писателя, настойчивого правдолюбца»¹, отозвавшегося, по словам А.Солженицына, в своем творчестве на «нравственную порчу нашей жизни»², была обращена в форме эпитафии к «Жене. Детям. Внукам»³:

«Я пришел в мир добрый, родной
и любил его безмерно.
Ухожу из мира чужого,
злобного, порочного.
Мне нечего сказать Вам
на прощание»⁴.

В своих произведениях 90-х годов XX века В.Астафьев приходит к мысли об эсхатологическом состоянии современного мира, когда не только война уничтожает человека и человечность, но и сегодняшние проблемы. Убеждающе в них звучит требование опаматоваться, отважиться на самоосуждение, за которым неизбежно должно последовать покаяние и возрождение.

Катастрофичность человеческого бытия лежит в основе романа «Прокляты и убиты». Эта концепция вызревала и в предыдущих книгах писателя. Открывшийся Виктору Потелицыну чудесный мир в «Последнем поклоне» постепенно приобретает очертания «проклятого». Война противоестественна чувству любви девятнадцатилетнего лейтенанта Бориса Костяева и сестры милосердия Люси в «современной пасторали» «Пастух и пастушка». В «Царь-рыбе» природная стихия способна поставить человека перед лицом смерти, ибо мир гармонии разрушен им самим же. Люди настолько очерствели, что Астафьеву приходится говорить о «законе возмездия», который с неизбежностью настигает человека, поправшего законы природы. «Веселые» солдаты «превращаются» в грустных стариков (повести «Обертон» и «Так хочется жить») или мертвых (рассказ «Пролетный гусь»). Нарастающий и усиливающийся трагизм стал всеобъемлющим в «Проклятых и убитых» и перерос в апокалипсис. Книга оказалась «страшной для народа»⁵, потому что открыла ему нечто такое, что он, народ, знать не желает. Ее автор взял на себя

* © Щедрина Н.М. (Москва), 2004.

страдания за всех.

В.Астафьев склонен к универсализации трагизма (пантрагическому)⁶ — это составляющая авторской концепции, особенность самоощущения писателя, хотя в его творчестве заметно проявляются и светлые стороны бытия. Да и по сути своей В.П.Астафьев был человеком жизнерадостным, веселым. В последние годы груз пережитого и передуманного стал столь велик, что превратился в «крик изболевшейся души» (В.Быков). А «социально-нравственная чувствительность и нараставшее с годами несогласие с всеобщей притерпелостью сделали полемичность основой творческого самосознания»⁷.

О главной трагедии своей жизни В.Астафьев говорил: «Как бывший окопник, могу сказать, что ничего не знаю страшней, «натуралистичней» войны, где люди людей убивают. А коли писатель, все испытавший на войне, не умеет рядить ее в кому-то нравящиеся романтические одежды, значит, иначе не может. Он пишет, страдая за людей, без расчета кому-то понравиться, угодить. В том его и сила»⁸.

В основе романной фабулы «Проклятых и убитых» лежит ситуация войны, разрушения мира. В первой книге изображено испытание новобранцев на гуманность в условиях «своего» мира «чертовой ямы» — (землянки, «подземельной» казармы), пребывание в которой сродни пещерной жизни. Оно превращает человека в зверя, недаром мотив «поедания» друг друга уже заложен в эпиграфе романа. Отсюда исходят и голод, и холод, поиск еды — все человеческие муки.

Во второй книге для большей динамичности В.Астафьев изменяет манеру письма, переходя к хроникальному изложению событий. В отличие от «Чертовой ямы», где массовые сцены имеют четкие границы, в «Плацдарме» все повествование — это одна сплошная сцена, которая делится на картины. В центре — битва за Днепр, переправа через реку изображена как вселенская катастрофа, в метафорическом смысле как переход границы от жизни к смерти.

В Астафьеве-писателе было бесценное качество — стремление передать «внутреннюю правду»⁹. А она выражается не только в отношении к военным событиям, но и в человеческих ощущениях. Например, в романе передано, как благодаря инстинкту самосохранения верх берет животная жажда жизни. Астафьев открывает читателю значимость «возвращения» человека к первородным ощущениям, ибо социальная среда расчеловечивает героев.

Но разрушая мир, человек, как существо духовное, тяготеет к вечным ценностям — родному дому, хлебному полю, стремится к защите себя и своей родины. В романе природное начало, в отличие от военно-

го, наделено чистотой, светом, святостью, совершенством, красотой. Этот мир противоположен темному, нечистому, проклятому, несвободному пространству казарм.

Делая «передышку» в напряженном повествовании, разряжая атмосферу военно-лагерного быта, Астафьев рисует сцену оправки первой роты на уборку несжатых колосьев зимой. Мать-земля принимает своих детей. Она — символ хлеба насущного, символ спасения. В христианской традиции хлеб выступает олицетворением жизни, духовной пищи и воплощением Христа. «Творя хлебное поле, человек сотворил самого себя»¹⁰, — пишет Астафьев. Поклонение житнетворному полю писатель соотносит с Богом. Приобщение героев в деревне Осипово к утраченным ценностям хлебного поля — одна из ключевых сцен романа, раскрывающая степень трагизма всей ситуации. Именно в этот момент солдаты осознают, ради чего они воюют, а в казармах проходят через адские муки. Земля — это единственное, без чего не может жить человек, она позволила им вернуться к своим истокам. «И пока есть хлебное поле, пока зреют на нем колосья — жив человек, да и воскреснет человеческая душа, распаханная Богом для посевов добра, для созревания зерен созидательного разума»(288), — говорит В.Астафьев. В жизни новобранцев появилось жизнеутверждающее настроение, ощутили стали ценности, за которые они отправлялись воевать. А в «настроении» автора-повествователя наступила кульминация: «недокошенное, необработанное» поле — «самое древнее творение человеческих рук» выступает олицетворением России. «Оно похоже <...> на смутой охваченную отчизну свою, — пишет Астафьев, — захиревшую от революционных бурь, от преобразований, от братоубийства, от холостого разума самоуверенных вождей, так и не вырастивших ни идейного, ни хлебного зерна, потому как на крови, на слезах ничего не растет — хлебу нужны незапятнанные руки, любовно ухоженная земля, чистый снег, чистый дождь, чистая божья молитва, даже слеза чистая»(287).

Во второй книге хлебному полю противостоит плацдарм. Он символически как бы трансформирует героев сверху вниз: оторвавшись от земли, человек вступил в войну. Близится божье наказание адом за грехи. А перед царством смерти возникает река, переправа и превращает все в апокалипсическую картину. Насилие человека над рекой превращает ее из питьевой, кормящей людей, — в ад, делает и ее жертвой.

Как продолжение темы звериного, животного начала звучит истребление людей друг другом. И во второй части романа это переносится писателем на немцев, представляющих разную степень расчеловечивания. Христианство гитлеровцев оказывается внешним, именно они развязывают войну и творят ад на земле. «Они же (немцы) все-таки из древ-

ней, пусть вечно воюющей, но в Бога верящей, культурной страны»¹¹, — пишет Астафьев. Они сошлись с русскими на плацдарме для братоубийства и в разной мере виновны, прокляты друг другом, Богом и убиты.

И все же вопреки трагизму создавшегося положения, писатель рисует силу органичной и нравственной связи человека с человеком. Ганс Гольбах и Макс Куземпель такие же бывалые «окопники», как и сам Астафьев. Нарисованные с симпатией, они еще более глубоко воспроизводят пафос трагизма, ибо берут на себя часть той ответственности за нацию, разжогшую пожар войны. Встретившийся один на один с Лешкой Булдаковым, немец-санитар Лемке не выстрелил в него, а только подумал: «Русский, русский... я еще много должен сделать добра, чтоб загладить зло, содеянное нами на этой земле ...» (12, 105). В тоже время В.Астафьев раскрывает бессмысленность любого военного конфликта, независимо от того, с чьей стороны он начат: «Тянется и тянется по истории, и не только российской, эта вечная тема: посылают себе подобных на убой <...> От самого Кремля, от гитлеровской военной конторы до грязного окопа <...> тянется нить, по которой следует приказ идти человеку на смерть. А солдатик, пусть он распоследняя тварь, тоже хочет жить ... и почему именно он, горемыка, в глаза не выдавший ни царя, ни вождя, ни маршала, должен лишиться единственной своей ценности — жизни?» (10, 98).

Трагический герой в романе Астафьева — народ, но это не только масса, но и отдельные личности, с которыми связано возвышенное и прекрасное. Сильное впечатление на читателя производит судьба Коли Рындина, о котором Леха Булдаков говорит: «<...> его надо беречь. Таких великих, порядочных людей на развод надо оставлять. Выводятся они в нашей державе, их в тюрьме и на войне в первую очередь» (67). Именно в восклицаниях старообрядца Коли расшифровывается апокалипсический смысл названия романа, сначала в разговоре с капитаном Мельниковым, а затем после расстрела братьев Снегиревых: «И на одной стихире, бабушка Секлетинья сказывала, писано было, что все, кто сеет на земле смуту, войны и братоубийство, будут Богом прокляты и убиты» (137). «Бога! ... Бога! ... Он пакарат! Пакарат! В геенну! ... Прокляты и убиты ... Прокляты и убиты! Все, все — э ...» (254). Эти слова будто рождены жадой кары за совершенное над братьями преступление.

Много в романе Астафьева непредвиденных смертей и рассуждений по поводу человеческой трагедии. Автор не ограничивает понимание смерти только своей точкой зрения: у большинства персонажей свои «счета» со смертью. Для каждого из героев смерть является неким мериллом, которое определяет прежде всего для них самих ценность жизни, отношений и поступков. «Бог и природа предоставили человеку одну

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Голубков С.А.</i> Слово о профессоре В.П.Скобелеве	3
<i>Рымарь Н.Т.</i> О научном наследии проф. В.П.Скобелева	6

Проблемы теоретической поэтики и эстетики

<i>Гиришман М.М.</i> Фундамент культуры и связь веков: русская литературная классика в свете философии диалога	29
<i>Тамарченко Н.Д.</i> О понятии «автор» в эстетике и поэтике	36
<i>Корман Б.О., Ремизова Н.А.</i> О жанрово-родовой природе поэмы А.Т.Твардовского «Василий Теркин»	45
<i>Бройтман С.Н.</i> Поэтика стихотворения-предчувствия (С.Бачинская. 1991)	59
<i>Краковяк А.С., Матяш С.А.</i> Проблема жанра инвективы в свете субъектно-системного подхода (на материале русской и польской поэзии периода второй мировой войны)	70
<i>Федута А.И.</i> Гавенда и сказ	85
<i>Андреюшкина Т.Н.</i> Сонет и эпиграмма: к проблеме взаимопроникновения жанров (на материале немецкоязычной поэзии)	94
<i>Мориц Ю.Н.</i> Музыка в литературе и литературоведении: трудности перевода	101
<i>Зацепин К.А.</i> Сборник «Меньше единицы» И.Бродского: проблема коммуникативно-риторических стратегий	112
<i>Рымарь Н.Т.</i> Пространство границы литературного произведения и архитектура завершающего акта	126

Литература XIX века

<i>Таборисская Е.М.</i> «В начале жизни школу помню я ...» А.С. Пушкина (Опыт монографического прочтения)	136
<i>Кривонос В.Ш.</i> Воля и доля в повести Гоголя «Тарас Бульба»	145
<i>Карпенко Г.Ю.</i> О типе, типическом в «физиологическом очерке»	151
<i>Свительский В.А.</i> Идеал и «действительная жизнь» в художественном мире А.П.Чехова (к аксиологии литературного изображения)	161
<i>Кройчик Л.Е.</i> Первый роман А.П.Чехова	174

Кихней Л.Г. «Гиератическое слово» в акмеистической традиции (Мандельштам — Гумилев — Тарковский)	187
Бабичева Ю.В. Десятая муза: женская поэзия как феномен Серебряного века	199
Казарина Т.В. Концепция «магического слова» в творчестве русских футуристов	209
Егоров Б.Ф. Утопии В.И.Крыжановской-Рочестер	226
Сомова С.В. К вопросу о типах сюжета в ранних рассказах Б.К.Зайцева и повести «Аграфена»	234
Фоминых Т.Н. Первая мировая война в романах А.Явича «Путь» и «Сыновья»	247
Головчинер В.Е. «Черти родят болото...» или Проблема интерпретации пьес Н.Эрдмана	258
Яблоков Е.А. Превращения деревянного человечка (М. А. Булгаков и А. Н. Толстой)	271
Сарычев В.А. Принцип эквивалентности в поэтике сюжета рассказа Ю.Н. Тынянова «Подпоручик Киже»	283
Алексеева Н.В. Роман Б.Пастернака «Доктор Живаго»: онтологические аспекты художественного пространства	297
Энгель К. Расколотое Я и слепое пятно: взгляд Василия Аксенова на США	307
Перепелкин М.А. Проблема становления и структура «метафизического кода» в ранней лирике И.Бродского («В темноте у окна»)	318
Заломкина Г.В. Москва—Петушки: Другая дорога в Икстлан. Код трансцендентного перехода у Вен.Ерофеева и В.Пелевина	335
Щедрина Н.М. Катастрофичность человеческого бытия в романе В.Астафьева «Прокляты и убиты»	346
Молько А.В. А Солженицын о романистике В.Гроссмана (на материале цикла «Из литературной коллекции»)	356
Новиков В.И. Кто последний? В.Сорокин, В.Ерофеев, А.Кабаков, В.Маканин, В.Пелевин и Т.Толстая как претенденты на создание итогового романа XX века	367

В лаборатории художника. Литературовед как читатель

Ботникова А.Б. Здесь будет все пережитое...	373
Хрулев В.И. «Пирамида» Л. Леонова: в лаборатории художника . . .	383
Скобелев В.П. Кройчик Л.Е. Заявление внетекстового Васи . . .	395

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной
универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-48